

Pletnikov, Yu. K. (1971) *O prirode social'noj formy dvizheniya*. Moscow, Izd-vo Mosk. Un-ta. 247 p.

Pletnikov, Yu. K. (2000) *Budushchee — socializm. Novye cherty sovremennoj epohi*. Moscow, Bylina. 127 p.

Pletnikov, Yu. K. (2008) *Materialisticheskoe ponimanie istorii i problemy teorii socializma*. Moscow, Al'fa-MO. 368 p.

Pletnikov, Yu. K. (2014) *Sobstvennost' i bogatstvo: intellektual'naya bronika rannego kapitalizma v Zapadnoj Evrope*. Moscow, Progress-Tradiciya. 256 p.

Polveka spustya: Odnokursniki o vremeni i o sebe. / comp. and ed. by I. B. Kudel'ko and S. V. Tumanov. Moscow, Izdatel' Vorob'ev A. V. 508 p.

Submission date: 12.04.2026.

Олейников Юрий Васильевич — доктор философских наук, ведущий научный сотрудник сектора социальной философии Института философии РАН. Адрес: 109240, Российская Федерация, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1. Тел.: +7 (495) 697-98-93. Эл. адрес: socio.philos@iphras.ru

Oleynikov Yuriy Vasilyevich, Doctor of Philosophy, Leading Researcher, Sector of Social Philosophy, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. Postal address: 12, Goncharnaya St., Bldg. 1, Moscow, Russian Federation, 109240. Tel.: +7 (495) 697-98-93. E-mail: socio.philos@iphras.ru

DOI: 10.17805/zpu.2026.2.7

Новые измерения военных конфликтов современности

А. А. БАРТОШ

МОСКОВСКИЙ ИНСТИТУТ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Современные конфликты стирают грань между состоянием войны и мира, смещая акцент с захвата территории на изнурение противника через комбинацию военных, информационных, кибернетических и экономических инструментов. В этой связи глубокий анализ синергии симметричных и асимметричных подходов становится не просто академическим упражнением, а насущной потребностью для выработки эффективной стратегии обороны. В статье проведен сопоставительный анализ роли симметричных и асимметричных форм борьбы в современных конфликтах: если в классическом понимании симметрия означала фронтальное столкновение равных, а асимметрия — уход от прямого боя слабого против сильного, то в современных условиях сильная сторона также начинает активно эксплуатировать асимметрию для снижения издержек и сохранения «правдоподобного отрицания». На основе сопоставительного анализа сделан вывод, что асимметрия стала основным инструментом наступательных действий в гибридной войне, а симметрия служит инструментом сдерживания, что представляется логичным и обоснованным на фоне войны в Иране.

Ключевые слова: гибридная война; симметрия; асимметрия; трение войны; трансформация; синтез

ВВЕДЕНИЕ

Гибридная война придала мощный импульс трансформации взглядов на видоизменение характера, сути и содержания военных конфликтов современности, стратегия которых предусматривает сбалансированное сочетание силовых и несиловых способов противоборства. Именно о таких конфликтах, в которых победа достигается с использованием невоенных средств несколько тысячелетий назад говорил древнекитайский стратег и философ Сунь-Цзы (Сунь-Цзы, 2023). Сегодня глубокая трансформация войны описывается философским концептом «трансгрессия». «Трансгрессия и есть не что иное, как смещение и стирание границ — границ между вещами и между ценностями. Она предполагает выход предмета за собственные границы и являет собой невозможный (в данной системе отсчета) выход за пределы, прорыв вовне того, что принадлежит наличному» (Грицанов, 2007: 665). Это определение в полной мере описывает гибридную войну как новый вид межгосударственного противоборства.

ФИЛОСОФСКИЕ ИЗМЕРЕНИЯ ГИБРИДНОЙ ВОЙНЫ

Гибридная война (ГВ), которая предполагает использование военных и невоенных инструментов в интегрированной военной кампании, придала мощный импульс трансгрессии войны, способствовала существенной трансформации военных конфликтов современности и обусловила необходимость философского анализа изменений по ряду причин.

Во-первых, философия является универсальным инструментом научного познания и соотносится с другими областями знаний как общее с частным. Во-вторых, философия выполняет функцию интегральной дисциплины, формирующей научное мировоззрение на базе всего спектра полученных знаний. В этом контексте философское осмысление современных военных конфликтов требует выхода за пределы политологии и военных стратегий, погружаясь в сферы онтологии, этики и антропологии. Сегодня, когда стираются грани между войной и миром, передним краем и тылом, универсальные измерения конфликтов предстают как кризис классических парадигм (Никоноров, Бартош, 2026)

Качественно изменилось онтологическое измерение войны, что связано с крахом теории линейности военных конфликтов и переходом к гибридной реальности. Напомним, что классическая философия войны от Клаузевица до Шмитта (Клаузевиц, 2022; Шмитт, 2010) исходила из онтологической ясности: есть состояние войны и состояние мира, есть друг и враг, есть фронт и тыл.

Современные конфликты разрушают традиционную бинарность. Они обретают гибридный характер, где боевые действия сочетаются с невоенными формами и способами воздействия на противника. Это экономические санкции, информационно-психологические войны и когнитивные атаки, кибервойны и манипуляция историческим сознанием. Война становится тотальной средой человеческого бытия, а не событием. Возникает феномен «вечной войны» (Агамбен, 2011), где состояние исключения становится нормой. Можно утверждать, что ГВ превратилась в олицетворение концепции «дурной бесконечности», выдвинутой Г. Гегелем (Бартош, 2026).

Упомянутые трансформации ставят вопрос о новой онтологии: что есть реальность, если виртуальное пространство становится столь же значимым полем битвы, как и физическое?

Стратегии ГВ, построенные на манипуляции смыслами, придают импульс радикальным изменениям эпистемологического характера, которые связаны с трансформациями в понимании знания, методов его получения, роли субъекта в научном процессе, а также с новыми вызовами, возникающими в эпоху цифровизации, развития технологий и социальных изменений. В современном конфликте победа достигается не только (и не столько) контролем над территорией, сколько контролем над реальностью и будущим.

Это приводит к состоянию метамодернистской наивности как не просто наивности, а осознанного подхода к поиску смысла, надежды и искренности в условиях неопределенности и сложности современного мира. Понятие метамодернистской наивности связано с обладанием субъектами международных отношений огромными объемами информации (знание) и одновременным ощущением фундаментальной неопределенности, отсутствием твердых оснований или экзистенциальной растерянности (наивность) (Vermeulen, Akker van den, 2010). Такое состояние способствует стремлению к гармонизации противоположностей и интеграции в стратегическую культуру различных культурных и художественных традиций и постправды.

Новое измерение касается вопроса о том, как возможна истина, когда конфликтующие стороны существуют в параллельных семиотических вселенных. Жан Бодрийяр описывал этот феномен как симуляцию — война в эпоху медиа рискует превратиться в спектакль, где утрачивается различие между реальным событием и его репрезентацией (Бодрийяр, 2024). Эпистемологический вызов состоит в том, что сама возможность рационального консенсуса исчезает: конфликт переносится в плоскость интерпретации экономических интересов, истории, языка, культурных кодов.

Деконструкция субъектов войны ведет к изменениям антропологического измерения. Современные конфликты трансформируют природу участника. На смену «гражданину-солдату» (призывнику с четкой национальной и государственной идентичностью) приходят во многом новые категории военных, в числе которых:

— военнослужащий, управляющий дроном, находящийся на расстоянии сотен и тысяч километров от объектов поражения, что порождает этический феномен «чистого убийства» без риска для себя и разрывает связь между героизмом и самопожертвованием;

— наемники и частные военные компании (ЧВК), их использование приводит к размыванию ответственности государства перед гражданином и перед международным правом;

— цифровой или киберпартизан, действия которого не подчиняются логике конфронтации и протеста, а определяются его способностью удерживать выбранную стратегию в пределах замкнутой цифровой среды за счет участия в конфликте через дезинформационные аккаунты. Таким образом, философская антропология фиксирует дегуманизацию противника через алгоритмы и цифровые интерфейсы, а также фрагментацию идентичности участника.

Формируется новое этическое измерение войны в условиях краха классической этики войны. Традиционная этика (теория справедливой войны) строилась на принципах пропорциональности и дискриминации (разделение на комбатантов и некомбатантов).

В современных конфликтах, которые часто ведутся в густонаселенных городских агломерациях с использованием высокоточного оружия и одновременно тактики штурмовых рейдов, это разделение становится условным. Кроме того, широкое распространение получают экономические войны (санкции, блокады), которые налагают коллективное наказание на гражданские общества противоборствующих стран. Такое измерение формирует философский вопрос: возможна ли этическая оценка конфликта, когда понятия победы и поражения становятся аморальными из-за цены, заплаченной человеческой жизнью?

Стратегия, оперативное искусство и тактика современных военных конфликтов ведут к формированию нового пространственно-временного измерения, которое подвергается сжатию и растяжению:

— трансформация временного фактора ведет к тому, что конфликт теряет четкие хронологические рамки и может длиться десятилетиями (гибридная война), не объявляться официально. Скорость принятия решений сокращается до секунд (искусственный интеллект в системах анализа разведывательных данных и наведения), но политические последствия таких решений могут заявлять о себе в течение поколений;

— трансформация пространственного фактора приводит к исчезновению понятия «тыл». Критическая инфраструктура, космос, киберпространство, а также личные данные граждан становятся легитимными целями. Война приобретает всеобъемлющий характер.

Радикально трансформируется политико-философское измерение войны, что порождает кризис суверенитета. Дело в том, что современные конфликты часто обнажают кризис Вестфальской системы (национальных государств). С одной стороны, можно говорить о возвращении геополитики реального государства, с другой — о появлении негосударственных субъектов, обладающих сравнимыми с государствами возможностями насилия. Возникает философская международно-правовая дилемма о пределах суверенитета: может ли государство считаться суверенным, если оно не способно защитить своих граждан в информационном пространстве или если его экономика становится заложницей глобальных цепочек поставок, которые используются как оружие давления и принуждения? (Бартош, 2025: 27–44). Сказанное позволяет утверждать, что универсальное философское измерение современных военных конфликтов заключается в том, что они перестали быть экстраординарным событием, исключением из концепции «вечного мира» по И. Канту, а превратились в способ существования сложных систем (Бартош, 2026a; Бартош 2026b).

Война сегодня — это зеркало, обнажающее онтологическую хрупкость того, что мы привыкли называть нормальной жизнью. Она демонстрирует, что глобальный порядок держится не столько на праве или морали, сколько на балансе технологического могущества и способности сторон удерживать антропологическую планку человечности в условиях тотальной конфронтации.

В этом контексте философия призвана вернуться к фундаментальным вопросам: что есть мир (не как отсутствие войны, а как позитивная ценность) и возможно ли сохранение единого человеческого разума, когда конфликт достигает стадии метафизической вражды, что характерно для стратегии Мировой гибридной войны? (Шевцов, Бартош, 2025).

*СУЩНОСТЬ СИММЕТРИЧНЫХ И АСИММЕТРИЧНЫХ ФОРМ ПРОТИВОБОРСТВА
В ГИБРИДНОЙ ВОЙНЕ*

Появление новых измерений войны выдвигает в качестве важной научно-практической задачи осмысление симметрии и асимметрии как форм противоборства в войне. Фактор симметричных и асимметричных действий сторон конфликтов с особой силой заявил о себе в специальной военной операции (СВО) и в ходе американо-израильской агрессии против Ирана в 2026 г.

Указанная тема находится на стыке военной стратегии, оперативного искусства и тактики, онтологии и социальной философии. Универсальные измерения симметричного и асимметричного противоборства раскрываются через категории тождества и различия, порядка и хаоса, а также энергии и экономии сил.

Оптимальные рамки анализа этих измерений определяются структурой четырех фундаментальных философских принципов: онтологического, гносеологического, аксиологического и антропологического (табл. 1).

Таблица 1

ФИЛОСОФСКАЯ СУЩНОСТЬ ИЗМЕРЕНИЙ

Table 1

PHILOSOPHICAL ESSENCE OF DIMENSIONS

<i>Измерение</i>	<i>Философская сущность измерения войны</i>
Онтологическое	Бытие как борьба структур: на онтологическом уровне симметрия и асимметрия представляют собой два способа существования конфликта
Гносеологическое	Отражает познание и неопределенность и касается того, как стороны познают друг друга и какова природа истины в ходе борьбы
Аксиологическое	Отражает этику и иерархию ценностей, которые построены на столкновении ценностных систем, легитимации насилия и восприятию потерь
Антропологическое	Отражает взаимодействие человека и машины, раскрывает, как меняется роль субъекта действия и его внутренний мир
Диалектика взаимодействия	Представляет собой синтез философской глубины нового измерения войны и раскрывает, что симметрия и асимметрия форм противоборства не являются статичными состояниями, а находятся в диалектическом единстве

Анализ сущности измерений позволяет выделить на онтологическом уровне формы симметрии и асимметрии как два способа существования конфликта.

Симметрия рассматривает «войну как дуэль» (Клаузевиц). Симметричное противоборство предполагает онтологическое тождество сторон. Стороны признают друг друга в качестве равных субъектов силы. Это мир «объективной реальности», где действуют законы классической физики: действие равно противодействию. Философски это соответствует идее тавтологии — война как зеркальное отражение. Здесь бытие конфликта статично: стороны стремятся к наложению своих структур друг на друга, и победа достигается за счет превосходства в «количестве» (масса, огневая мощь).

Асимметрия рассматривает войну как становление (Жиль Делез, Феликс Гваттари), как динамический, непрерывный процесс производства различий и новых возможностей. Именно война разрывает постоянство своих свойств и характеристик во времени (онтологическое тождество) (Делез, Гваттари, 2010). Одна сторона отказывается от зеркального отражения. Философски это соответствует логике «ризомы» (корневища), где нет центра, а есть множественность. В асимметричном конфликте сталкиваются не просто две армии, а разные типы реальности: «война машин» против «войны организмов», иерархия против сети. Бытие здесь становится текучим: противник отрицает саму возможность быть измеренным по шкале «сильнее/слабее», уходя в онтологическую плоскость, где классические законы войны перестают работать.

Гносеологическое измерение касается того, как стороны познают друг друга и какова природа истины в ходе борьбы.

Симметрия присущи прозрачность и рациональность. Симметричный бой базируется на идеале полного знания. Поскольку структуры гомологичны (однотипны), противник «прозрачен» для анализа. Здесь господствует классическая эпистемология: наличие четкой иерархии, фронтов, тыла позволяет применять математические модели (теорию игр, оперативные-тактические расчеты). Истина (обстановка) стремится к однозначности.

Асимметрия порождает радикальную непрозрачность. Стороны говорят на разных «языках» войны. Гносеологический идеал здесь смещается от расчета к интерпретации. Для сильного игрока (симметричного) слабый игрок (асимметричный) порождает высокую степень неопределенности, является своеобразным «черным ящиком». Асимметричная сторона вынуждена подстраиваться под обстановку в серой зоне (мимикрировать), делая невозможным разделение на «военных» и «гражданских», «фронт» и «тыл», что ведет к кризису знаний для стороны, мыслящей симметрично.

Аксиологическое измерение отражает этику и иерархию ценностей, что связано со стратегической культурой и ценностными системами сторон, легитимацией насилия и восприятием потерь.

Симметричная форма борьбы предполагает равенство риска и формальную справедливость. Симметричная война (классическая) держится на этике формального равенства. Противники разделяют общий кодекс: военная форма, субординация, Женевские конвенции (как попытка сохранить симметрию в гуманитарной сфере). Ценность здесь — это «честь» и «стойкость». Потери считаются «стоимостью ошибки» в равной игре.

Асимметричная форма противоборства построена на утилитаризме выживания и деструкции международных правил и норм. Асимметричный конфликт размывает аксиологическое единство. То, что для одной стороны является «терроризмом» или «коварством», для другой является «легитимным сопротивлением» или «высшей стратегической адаптацией» (Шлыкова, 2019; Степанова, 2010). Таким образом асимметрия обнажает нигилистическую природу войны: когда нет шансов на победу в симметричном поле, происходит переоценка всех ценностей (Ницше, 2025). Ценностью становится не победа в сражении, а длительность (выживание) или медиасимволический эффект (нанесение неприемлемого урона, несопоставимого с материальным ущербом).

Антропологическое измерение раскрывает взаимоотношения человека и техносферы, показывает, как меняется роль субъекта действия и его внутренний мир в современных высокотехнологичных конфликтах.

В симметричной войне человек (солдат, командир) — элемент большой военной машины, а идеалом является дисциплина, подавление индивидуального ради коллективного. Симметрия превращает войну в технологический процесс, в котором важная роль отводится сопоставлению систем оружия: танков, самолетов, калибров и дальности артиллерийских орудий.

Асимметричная форма противоборства, наоборот, строится с учетом факторов воли и субъективных качеств людей — участников боевых действий. Здесь антропологическое измерение становится ключевым: победа зависит не от мощи систем оружия и количества боеприпасов, а от морального духа бойцов и командиров, их готовности к смерти ради победы, знания местности и моральной сплоченности.

Таким образом, симметрия и асимметрия не являются статичными состояниями, а находятся в диалектическом единстве.

Асимметрия как порождение симметрии, когда попытка одной стороны достичь полной симметрии (абсолютного превосходства в классических измерениях), часто порождает вынужденную асимметрию слабого. Слабый начинает играть не по правилам, поскольку, играя по правилам, он обречен.

В ходе асимметричного конфликта сильная сторона вынуждена отходить от симметричных форм борьбы и адаптироваться к новым условиям, например переходить к тактике малых штурмовых групп, отказываться от некоторых формальных норм, прибегать к использованию прокси-сил. Происходит своеобразное изменение баланса между симметрией и асимметрией, когда доказавшая свои преимущества асимметрия приводит к появлению новой симметрии на более низком уровне организации.

Стратегия современной ГВ снимает противопоставление симметрии и асимметрии. Противоборство становится мультимодальным: на одном театре военных действий (ТВД) одновременно существуют симметричные столкновения регулярных армий (тактический уровень) и тотальная асимметрия в стратегическом, информационном и ценностном измерениях (Бартош, 2026: 374).

В ГВ симметричные и асимметричные формы борьбы не просто сосуществуют, а тесно переплетаются, усиливая друг друга. Их сопоставление — ключ к пониманию логики современных конфликтов.

Напомним, что гибридная война — комплексное воздействие на противника, сочетающее военные, информационные, экономические, дипломатические и кибернетические инструменты ниже порога открытого крупномасштабного конфликта. Цель — достижение стратегических целей без объявления классической войны.

Симметричные формы борьбы — противоборство с использованием схожих по типу и потенциалу средств и методов. Противники соизмеримы (государство против государства). Пример: прямое военное столкновение регулярных армий, экономические санкции, дипломатическое давление.

Асимметричные формы борьбы — использование слабой стороной несоразмерных, неожиданных или непрямых методов против уязвимых мест сильного противника, нивелируя его превосходство в традиционной силе. Пример: действия ирре-

гулярных формирований, кибератаки, информационная пропаганда, террористические акты.

В табл. 2 представлен сопоставительный анализ симметричных и асимметричных методов ведения гибридной войны.

Таблица 2

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СИММЕТРИЧНЫХ И АСИММЕТРИЧНЫХ ФОРМ
ПРОТИВОБОРСТВА В ГИБРИДНОЙ ВОЙНЕ

Table 2

COMPARATIVE ANALYSIS OF SYMMETRICAL AND ASYMMETRICAL FORMS
OF MILITARY CONFRONTATION IN HYBRID WARFARE

<i>Критерий</i>	<i>Симметричные формы</i>	<i>Асимметричные формы</i>	<i>Роль в гибридной войне</i>
<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>
Участники	Государственные регулярные структуры: армия, официальная дипломатия, государственные СМИ	Негосударственные субъекты: иррегулярные формирования и организации (НПО, ЧВК, наемники, сепаратисты, хакерские группы, радикальная оппозиция)	Гибридность: государство использует асимметричных субъектов для правдоподобного отрицания своего участия в конфликте, сохраняя формальную непричастность
Цели и задачи	Ясные, осязаемые, часто военно-стратегические: контроль территории, разгром войск противника и навязывание своей воли побежденному, экономическое ослабление	Размытые, психологические, дестабилизирующие: подрыв доверия к власти, раскол общества, деморализация, создание контролируемого хаоса и организация цветной революции	Синергия: симметричные действия создают «факты на земле», асимметричные — легитимизируют или маскируют такие факты в информационном поле
Методы и инструменты	Прямые, регулируемые международным правом: военные операции, официальные санкции, дипломатические ноты	Непрямые, часто на грани или вне правового поля: пропаганда, дезинформация, кибератаки на критическую инфраструктуру, экономический саботаж, провокации	Эскалационный контроль: асимметричные методы позволяют вести агрессию, не переходя красную линию, которая вызовет симметричный ответ
Пространственный фактор	Четко очерчен: ТВД, поле боя, дипломатические площадки, официальные экономические отношения	Диффузное, тотальное: киберпространство, информационное поле, сознание населения, социальные сети, внутренняя политика противника	Расширение фронта: гибридная война ведется одновременно на всех пространствах, где симметричные и асимметричные методы дополняют друг друга (например, военное давление + кампания по демонизации противника)

Окончание табл. 2

1	2	3	4
Временной фактор	Война часто имеет четкое начало (официальное объявление войны, инцидент) и потенциал к быстрому, решительному продвижению к победе	Пролонгированные, вялотекущие кампании, рассчитанные на истощение, ослабление и развал государства-противника	Стратегия медленных асимметричных изменений статус-кво (ползучая аннексия, подрыв институтов, контроль над созданием населения) поддерживается точечными симметричными акциями (наращивание войск, учения)
Уязвимость и риски	Уязвимы для ответных действий того же порядка (поражение в бою, встречные санкции). Высокий риск прямой эскалации	Уязвимы при потере поддержки государства-спонсора или разоблачении. Риск в том, что противник может игнорировать ползучую агрессию и ответить симметрично силой	Дисбаланс ответа: некоторые государства часто не могут эффективно ответить на асимметричные вызовы своими симметричными инструментами (применение военной силы в ответ на санкции или действия в информационном пространстве), что обусловливается их стратегической слабостью

Показательными являются примеры формирования синергетического воздействия симметричных и асимметричных форм в стратегиях устранения от власти президента Венесуэлы Н. Мадуро, который был выкраден американцами после многих лет гибридного давления на страну, и в войне США и Израиля против Ирана.

Опыт этих двух военных конфликтов при всей разнице их масштабов и степени ожесточенности показывает, что в ГВ нет выбора между симметрией и асимметрией. Эффективная стратегия заключается в их синергетическом сочетании.

Асимметричные формы создают фон: дестабилизируют, деморализуют, подрывают легитимность противника, вскрывают его слабые и уязвимые точки. Например, блокада Ираном Ормузского пролива и прекращение поставок нефти нанесли существенный ущерб в том числе экономикам стран — союзниц США, породили мировой энергетический кризис, чем продемонстрировала пример асимметричного воздействия на противника.

Симметричные формы используются для закрепления результатов, создания необратимых изменений, а также для демонстрации и применения силы, когда это необходимо.

Главная сила гибридного подхода — в эффекте умолчания: противник не может дать адекватный ответ, так как атака, например в кибернетической и информационной сферах, носит диффузный, многомерный и часто «неофициальный» (не объявляется) характер, а прямое симметричное противостояние агрессору может быть нежелательно или рискованно.

Таким образом, асимметрия стала важной формой наступательных действий в гибридной войне, в то время как симметрия служит инструментом сдерживания, демонстрации силы и фиксации успеха. Победа в таком конфликте достигается не в генеральном сражении, на которое делал ставку Наполеон, а за счет использования стратегии изнурения в длительном, многолетнем конфликте (Свечин, 2023).

ТРЕНИЕ ВОЙНЫ КАК ФАКТОР НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ СОВРЕМЕННЫХ КОНФЛИКТОВ

Кратковременному обезглавливающему нападению США на Венесуэлу предшествовала кропотливая работа американских спецслужб по вербовке агентов, передававших информацию о внутреннем положении, военных объектах и степени их готовности, о передвижениях главы государства и его местопребывании.

3 января 2026 г. США предприняли против Венесуэлы военную операцию под названием «Абсолютная решимость», которая началась с массированных авиационных и предположительно ракетных ударов по объектам на территории страны, включая ее столицу Каракас. Затем с вертолетов была высажена группа спецназа, которая захватила президента Венесуэлы Николаса Мадуро вместе с его женой и вывезла их из страны в США.

При этом американские силы в сжатые сроки выполнили миссию и немедленно покинули театр военных действий. В результате хаотизация поля боя (главным образом в столице страны Каракасе) просто не успела затронуть американской системы планирования, а несовершенство программного обеспечения систем автоматического управления сил, привлеченных к операции, и скрытые недостатки сложной техники тогда не успели проявиться (Вдовин, Костин, Марьина, 2025).

Американо-израильской агрессии против Ирана, начавшейся 28 февраля 2026 г., также предшествовала аналогичная кропотливая работа по обеспечению перехода от гибридного этапа к прямому военному нападению.

При этом с первых же дней войны асимметричные действия иранской стороны продемонстрировали, что американская концепция сетевентрической войны (СЦВ) оказалась несостоятельной в условиях избыточности данных, получаемых от всех видов разведки и перенасыщении ими систем анализа и принятия решений. Сетевентрическая война — это военная концепция, при которой все участники боевых действий (командование, военная техника, живая сила) объединены в единую информационную сеть. Цель — повысить эффективность боевых действий за счет достижения информационного превосходства, ускорения управления силами и средствами, а также улучшения координации между подразделениями. Концепция СЦВ разработана в США адмиралом А. Себровским и Д. Гарсткой (Sebrowski, Garstka: Электронный ресурс) С этой проблемой перенасыщения и избыточности данных ВС США столкнулись вскоре после начала боевых действий, когда командование американских ВС убедилось, что система управления, будучи чрезвычайно эффективной при нанесении заранее подготовленного обезглавливающего удара, оказалась недостаточно работоспособной в режиме реального времени на последующих этапах противоборства. Напомним, что модель СЦВ отражает новую реальность военного конфликта, где мир и война, свои и чужие, реальность и симуляция больше не разделены четкими границами. Однако ее внедрение в практику в ходе войны в Иране столкнулось с непростыми проблемами — будь то «человеческий фактор» или нелинейная природа реального конфликта.

Развитие боевых действий на театре войны в 2026 г. показало, что для нанесения решительного поражения иранской традиционной армии — с ее органами высшего военного управления, позициями противовоздушной обороны (ПВО), стационарными радиолокационными станциями (РАС), складами боеприпасов, аэродромами, ангарами и кораблями у причалов — существующая система планирования операции для начального периода войны оказалась вполне достаточной. Стационарные цели были масштабными, а координаты большинства из них заранее определены. При подготовке нападения расчет ударов по ним занял несколько месяцев, а результат оказался сокрушительным, что и продемонстрировала начальная фаза иранской кампании.

Поэтому в Иране первая фаза войны развивалась по сходному с Венесуэлой сценарию: сокрушительный обезглавливающий удар нанес существенный ущерб традиционным вооруженным силам Ирана — авиации на аэродромах, позициям ПВО и базам военно-морского флота. В первые же часы было уничтожено практически все значимое политическое и военное руководство страны.

Однако вскоре выяснилось, что параллельная по отношению к вооруженным силам Ирана структура — Корпус стражей исламской революции (КСИР) — понесла относительно небольшие потери и сохранила высокий боевой дух. КСИР официально является частью вооруженных сил Ирана и выполняет функции армии, полиции, органов госбезопасности, а также активно участвует в политической и экономической жизни Исламской Республики Иран. Автономность действиям КСИР в условиях конфликта придало наличие в его составе сухопутных войск, военно-воздушных и военно-морских сил, а также ракетных сил и сил народного ополчения «Басидж», сил специального назначения «Аль-Кудс».

В создавшихся условиях КСИР, располагая существенной боевой мощью и опираясь на высокий моральный дух личного состава, немедленно приступил к реализации стратегии асимметричной войны, в соответствии с которой, не имея единого центра управления, иранские силы начали наносить удары ракетами и дронами с пусковых установок, замаскированных под гражданский транспорт, используя для нападения широкий спектр безэкипажных катеров (БЭК), мобильных береговых ракетных комплексов, беспилотников, а также современные морские мины, трудно обнаруживаемые и сложно вытравливаемые. Были успешно нанесены удары беспилотными летательными аппаратами (БПЛА) по авианосцам, в воздухе и на аэродромах уничтожались боевые и военно-транспортные самолеты и вертолеты. Одновременно наносились мощные удары по Израилю и американо-израильским союзникам в странах Персидского залива с использованием ракет и БПЛА.

В целом удары КСИР носили асимметричный характер и были направлены против систем противоракетной обороны (ПРО) американских баз США на Аравийском полуострове, уничтожались дорогостоящие РАС. Например, КСИР заявил о поражении радара системы дальнего обнаружения и предупреждения о ракетном нападении на военной базе США в Катаре, где американский радар FPS-132 с дальностью действия 5000 км и уникальным оборудованием, предназначенным для отслеживания баллистических ракет, был полностью уничтожен. Был нанесен массированный удар по основному пункту базирования Пятого флота ВМС США в Бахрейне. Подверглись атакам также центры ЦРУ, склады БПЛА и пункты дислокации украинских наемников в Дубае. КСИР в одной из своих операций против

американских компаний, занимающихся шпионажем и разработкой террористических технологий, атаковал и уничтожил центр облачных вычислений «Amazon» в Бахрейне.

Проводились операции по перекрытию Ормузского пролива, на системной основе разрушалась нефтяная инфраструктура государств региона — союзников США и Израиля, провоцируя мировой энергетический кризис.

Ответить на эту тактику разнородных гибридных угроз со стороны Ирана армии США оказалось сложно. В результате преимущества успешного первого удара были в существенной мере нивелированы в ходе последующих действий, а концепция сетецентрической войны, успешно примененная армией США против Венесуэлы, оказалась недостаточно эффективной в войне против Ирана.

Фактор трения войны, сформулированный в работе Карла Клаузевица «О войне», послужил важным источником провала концепции американской стратегии блицкрига против Ирана и в конечном итоге вынудил Вашингтон идти на переговоры с Тегераном. Впрочем, феномен трения и ранее недостаточно учитывался военными стратегами, например в планах молниеносной войны фашистской Германии против СССР в 1941 г.

Напомним, что в своем военно-теоретическом труде К. Клаузевиц справедливо подчеркивал, что «трение — это единственное понятие, которое, в общем, отличает действительную войну от войны бумажной» (Клаузевиц, 2022: 92). Иными словами, на войне от задуманного до реализуемого на деле может быть огромная дистанция.

Для американо-израильской войны против Ирана как конфликта, в полной мере соответствующего оценке, данной К. Клаузевицем в его известной работе «О войне», «война — область случайности... она увеличивает неопределенность обстановки и нарушает ход событий. <...> воюющий в действительности сталкивается с совершенно иным положением вещей, чем ожидал» (Клаузевиц, 2022: 64).

Выводы К. Клаузевица о влиянии трения войны, о присущих войне случайностях и недостоверности сведений и предположений с первых же часов агрессии послужили источником существенных возмущающих воздействий на ход американо-израильской операции, которая под влиянием перечисленных К. Клаузевицем факторов стала малоуправляемым и даже неуправляемым процессом.

Для традиционной войны можно выделить группу источников общего трения: опасность; физическое напряжение; неопределенность и недостоверность информации, на основе которой принимаются решения; случайные события, которые невозможно предсказать; физические и политические ограничения в использовании силы; непредсказуемость, являющаяся следствием взаимодействия с противником; разрывы между причинами и следствиями войны. Все источники трения в полной мере заявили о себе с самого начала развязанной американцами очередной войны в Персидском заливе.

Фактор трения войны в контексте американо-израильской агрессии против Ирана проявляется по нескольким ключевым направлениям. Несмотря на видимое единство в начале совместной военной операции 28 февраля 2026 г., в ходе конфликта обнажились серьезные противоречия как между самими союзниками (США — Израиль и США — НАТО), так и внутри американской администрации (увольнение ряда высокопоставленных генералов), а также между США и их традиционными партнерами в регионе Персидского залива.

Фактор «трения» войны настойчиво напоминает о себе в ряде следующих аспектов.

1. Трения между США и Израилем: стратегии и ожидания. Наиболее ярко фактор трения проявился в разногласиях между США и Израилем по поводу стратегии ведения войны и оценки ее перспектив.

Приоритет, вопреки предупреждениям разведки США, был отдан прогнозу «легкой победы» против реальности. Премьер-министр Израиля Биньямин Нетаньяху изначально сумел представить президенту США Дональду Трампу будущую операцию как «легкую прогулку», делая акцент на высокой вероятности смены режима в Иране и внутреннего восстания против режима. Однако в ходе боевых действий эти прогнозы не оправдались, и американцы вскоре назвали израильские оценки «слишком оптимистичными».

2. Изначально между союзниками существовало разное видение конечной цели и разногласия по методам давления на Иран. Судя по всему, США долгое время склонялись к дипломатическому давлению и переговорам по ядерной сделке, в то время как Израиль последовательно выступал за решительные военные действия для уничтожения ядерной и ракетной программ Ирана. Эта разница в подходах привела к тому, что по мере затягивания конфликта Вашингтон начал активнее искать дипломатический выход, в то время как Израиль продолжал настаивать на продолжении военной кампании, что создало напряжение в американо-израильском военном тандеме и вызывало растущие возражения со стороны монархий Персидского залива, озабоченных обеспечением собственной безопасности.

3. Конфликт также высветил трения внутри самой американской администрации и между ветвями власти, особенно в контексте предстоящих выборов. Внутриполитическая динамика в США все чаще демонстрирует растущие разногласия в среде республиканцев. В свою очередь, на самого президента усиливается давление общественности и экономических факторов. По мере роста цен на топливо и нарушения глобальных цепочек поставок из-за перекрытия Ираном Ормузского пролива американские избиратели начали выражать растущую обеспокоенность. Это оказывает давление на Белый дом, вынуждая его искать пути к завершению конфликта, даже несмотря на первоначальные кажущиеся военные успехи, на которые непрерывно ссылается президент.

4. Усиливаются трения с союзниками в Персидском заливе, поскольку операция против Ирана привела к росту недоверия и разочарования среди арабских монархий Персидского залива, которые традиционно считаются партнерами США. В этом контексте на первое место выдвигается разочарование в гарантиях безопасности. Страны Персидского залива все чаще подвергают сомнению надежность американских гарантий безопасности, поскольку размещение американских военных баз на их территории превратило их в законные цели для иранских ракетных ударов. Нарастает страх быть преданными и брошенными Вашингтоном. Главное опасение арабских союзников заключается в том, что США могут объявить о победе и выйти из конфликта, не достигнув договоренностей по сдерживанию ракетной программы Ирана. В этом случае страны региона рискуют остаться один на один с «озлобленным» и сохранившим военный потенциал Ираном, который удержит контроль над Ормузским проливом. Представители Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива настаивают на том, чтобы их голос был услышан в любых мирных переговорах, что подчеркивает их недовольство тем, что

их интересы были проигнорированы при начале войны. Усилились разногласия между США и европейскими союзниками по НАТО, некоторые из которых открыто отказали Вашингтону в поддержке.

Налицо очевидный провал американской дипломатии как предпосылка и последствие к дальнейшему катастрофическому развитию событий, включая наземную операция США.

5. Сам факт начала войны стал кульминацией провала переговорного процесса, что также можно рассматривать как проявление фактора трения между дипломатическим и военным подходами. Переговоры США — Иран, проходившие в Женеве при посредничестве Омана в феврале 2026 г., зашли в тупик из-за непримиримых позиций. США настаивали на отказе Ирана от обогащения урана и обсуждении ракетной программы, в то время как Тегеран отказывался обсуждать эти вопросы, предлагая лишь символические уступки. Это привело к тому, что специальный посланник Трампа Стив Уиткофф и сопровождавший его зять президента Джаред Кушнер пришли к выводу о неготовности Ирана к реальной сделке, что и стало спусковым крючком для перехода к военному сценарию.

Провал переговоров стимулировал утрату доверия. Военные удары, нанесенные даже когда переговоры продолжались, практически уничтожили остатки стратегического доверия между Тегераном и Вашингтоном, делая возврат к дипломатии в краткосрочной перспективе крайне маловероятным, а военные действия создали серьезные экономические и гуманитарные трения на глобальном уровне, которые, в свою очередь, ограничивают свободу действий инициаторов конфликта.

7. Разразился глобальный энергетический кризис, грозящий перейти в экономический. Конфликт спровоцировал перекрытие Ираном Ормузского пролива, через который проходит около 20% мирового объема нефти. Это привело к скачку цен на топливо в Европе и дефициту в Азии, а также к росту инфляции и угрозе продовольственного кризиса из-за нарушения поставок удобрений. Убийство иранских школьников американцами легло несмываемым пятном на имидж США.

8. Растут военные издержки, что является проявлением факторов трения и износа войны. Несмотря на заявления о военных успехах, США и Израиль несут значительные потери или серьезные повреждения высокотехнологичного военного оборудования на миллиарды долларов, включая военные самолеты, вертолеты и БПЛА. Высокими темпами расходуются дорогостоящие ракеты ПВО и крылатые ракеты, огромный ущерб нанесен израильской инфраструктуре и объектам арабских монархий, поврежденных в результате иранских ответных ударов. Это создает внутреннее давление на администрацию США, вынуждая ее пересчитывать затраты на операцию.

Таким образом, фактор трения войны в американо-израильской агрессии против Ирана проявляется на нескольких уровнях: от расхождения в изначальных ожиданиях и стратегиях между Вашингтоном и Иерусалимом до охлаждения отношений с ключевыми арабскими союзниками и нарастающего внутривнутриполитического давления в США. То, что изначально подавалось как «легкая» операция по смене режима, условия для которой якобы были заблаговременно созданы в ходе длительной гибридной войны против Ирана, превратилось в затяжной конфликт с высокими экономическими, военными и репутационными издержками, что неизбежно ведет к углублению противоречий внутри альянса на фоне поиска путей выхода из кризиса.

ТРЕНИЕ ВОЙНЫ КАК ФАКТОР ВЫБОРА СИММЕТРИЧНЫХ И АСИММЕТРИЧНЫХ ФОРМ ПРОТИВОБОРСТВА

Фактор трения войны как источника неопределенности, хаоса, задержек и ошибок критически влияет на выбор формы противоборства в ГВ.

Во-первых, высокое трение стимулирует для одной из сторон (в данном случае для Ирана) переход к асимметричной форме противоборства. Если такая сторона не может преодолеть «туман войны» (плохая связь, разведка, недостаточная выучка, сбои снабжения), лобовое симметричное столкновение для нее катастрофично. В таких условиях асимметрия становится вынужденным, но эффективным выбором в пользу ведения партизанской войны (рассредоточение, засады, точечные удары) вместо линейных боев, а также переходу к тактике террора и активизации информационно-психологического воздействия на противника как способа создать хаос, против которого у сильного противника система управления окажется неэффективной. Например, в войне во Вьетнаме трение войны (джунгли, отсутствие линии фронта, высокомотивированный противник) сводило на нет американское технологическое превосходство.

Во-вторых, низкий уровень трения повышает возможность применения симметричных форм: когда одна из сторон уверена в управляемости войск, разведке и логистике, она может позволить себе симметричный бой — встречное сражение с равным по силе противником. Однако даже здесь трение заставляет резервировать силы и дублировать управление.

Таким образом, ключевой механизм выбора между симметричной и асимметричной формами определяется следующей логикой: сильный выбирает симметрию, если может снизить трение (надежная связь, разведка, автоматизация процессов поддержки выработки решений). Иначе он тоже будет вынужден прибегнуть к асимметрии, чтобы не быть «ослепленным» из-за недостаточного знания обстановки. Слабая сторона всегда выбирает асимметрию, максимизируя трение для врага (удары по коммуникациям, минная война, дезинформация).

Высокий уровень трения войны объективно подталкивает к асимметричным формам — они не требуют сложной координации больших масс живой силы и техники и при этом сами порождают дополнительный хаос для противника. Симметрия — удел армий, способных нивелировать влияние трения войны за счет надежной системы управления войсками и подавляющего превосходства.

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРИМЕНЕНИЯ СИММЕТРИЧНЫХ И АСИММЕТРИЧНЫХ ФОРМ ПРОТИВОБОРСТВА В СОВРЕМЕННЫХ КОНФЛИКТАХ

Анализ СВО на Украине и войны США и Израиля против Ирана показывает две различные модели современного вооруженного конфликта, которые, однако, демонстрируют удивительное сходство в использовании слабой стороной асимметричных стратегий для нивелирования преимуществ сильного противника (табл. 3–5, с. 107–109).

Главным сходством между двумя конфликтами является способность слабой стороны навязывать свою волю более сильному противнику через нетрадиционные методы.

Несмотря на преобладание асимметрии, в обоих конфликтах присутствуют и симметричные элементы, влияющие на стратегию и глобальную политику.

Таблица 3

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СТРАТЕГИЙ СТОРОН ВОЕННЫХ КОНФЛИКТОВ

Table 3

GENERAL CHARACTERISTICS OF STRATEGIES OF PARTIES TO CONFLICTS

<i>Критерий</i>	<i>СВО на Украине</i>	<i>Агрессия США и Израиля против Ирана</i>
Стратегия конфликта	Стратегия изнурения	Стратегия сокрушения с элементами blitzkriega
Факторы асимметрии сторон	Россия обладает превосходством в количестве техники и ресурсов. Украина полагается на западную военно-техническую помощь	США и Израиль обладают подавляющим превосходством в ПВО, авиации и высокоточном оружии. Иран использует дешевые и массовые средства поражения (БПЛА, ракеты)
Роль авиации	Использование Россией превосходства в воздухе было в известной мере затруднено поставками Западом современных средств ПВО. В этих условиях Россия успешно применяет управляемые планирующие бомбы УМПК с дальностью до 200 км без входа самолета-носителя в зону ПВО	США и Израиль быстро подавили иранскую систему ПВО, установив полный контроль в воздухе
Морская сфера	Украина, не имея мощного флота и используя БПЛА, БЭЖ, береговые ракетные комплексы, ограничила свободу действий российского Черноморского флота	Иран, потеряв флот, эффективно блокирует Ормузский пролив, используя БПЛА, БЭЖ, ракеты, мины, что вызвало кризис в мировой экономике
Ключевое оружие	Массированное применение обеими сторонами FPV-дронов и барражирующих боеприпасов	Массированные удары баллистическими ракетами и роями дронов по критической инфраструктуре
Экономика войны	Зависимость от импорта нефти; уязвимость к росту мировых цен	Иран использует блокаду пролива для создания мирового энергетического кризиса и ослабления союзников США

Сопоставление применения симметричных и асимметричных форм борьбы в СВО и войне в Иране демонстрирует эволюцию современной войны в сторону преобладания асимметричных методов. Если в военных конфликтах конца 90-х — начала 2000-х гг. превосходство в воздухе и бронетанковой технике гарантировало быструю победу (как в операции «Буря в пустыне» в 1991 г.), то сегодня наличие воли к сопротивлению, использование «ценового дисбаланса» дронов и средств их поражения, а также способность ставить под удар критически важные

Таблица 4

АСИММЕТРИЧНЫЕ ФОРМЫ БОРЬБЫ КАК ОРУЖИЕ СЛАБОГО
ПРОТИВ СИЛЬНОГО

Table 4

ASYMMETRICAL FORMS OF WARFARE AS THE WEAPON OF THE WEAK
AGAINST THE STRONG

<i>Стратегии сторон</i>	<i>СВО</i>	<i>Агрессия США и Израиля против Ирана</i>
Компенсация слабости украинского флота и флота Ирана, когда отсутствие классического военно-морского флота было компенсировано асимметричными угрозами. <i>Вывод:</i> крупной державе труднее установить контроль над водным путем, чем для меньшей державы — поставить этот путь под угрозу	Украина смогла деблокировать Черное море и вынудить российский флот отойти от западного побережья Крыма, используя БПЛА, морские дроны и противокорабельные ракеты	Иран превратил Ормузский пролив в зону повышенной опасности, угрожая минированием и используя БПЛА, скоростные катера и береговые ракетные комплексы
Массовое использование БПЛА создает преимущество в соотношении «цена дрона / цена средства ПВО» (ценовой дисбаланс). <i>Вывод:</i> оба конфликта подтвердили тезис о революции в военном деле, где дешевые БПЛА берут верх над дорогостоящими системами ПВО	Ставка обеих сторон военного конфликта на массовое применение БПЛА	Иран, наряду с применением ракет, широко использовал БПЛА
Цели войны и устойчивость сторон	Россия: демилитаризация и денацификация и смена режима государства, смена правящего режима	США и Израиль в Иране преследуют цель дестабилизации государства и/или смены правящего режима
Выводы	Россия не смогла быстро достичь поставленных целей операции и втянулась в затяжную войну	Иран продемонстрировал способность к автономному сопротивлению: даже при нарушении централизованного военного управления подразделения КСИР продолжали действовать по заранее разработанным планам

экономические узлы (проливы, энергетические хабы) позволяют более слабому игроку сдерживать супердержаву.

Поэтому сегодня первоначальное превосходство определяет исход военного конфликта в меньшей степени, чем способность оперативно анализировать и прогнозировать обстановку, учитывать фактор «трения» войны и разрабатывать различные варианты ее развития, адаптироваться к быстро меняющимся реалиям

Таблица 5

СИММЕТРИЧНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ И ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ
В СВО И ВОЙНЕ В ИРАНЕ

Table 5

SYMMETRICAL ELEMENTS AND GEOPOLITICAL DIMENSION IN THE SPECIAL MILITARY
OPERATION AND THE IRAN WAR

<i>Факторы применения симметричных форм противоборства</i>	СВО	<i>Агрессия США и Израиля против Ирана</i>
Уязвимость инфраструктуры: современная война все чаще нацелена на экономический потенциал противника	Для Украины, которая полностью зависит от импорта нефтепродуктов и газа, рост цен на энергоносители из-за блокады Ормузского пролива является прямой экономической угрозой. Одновременно Украина, нанося удары по нефтяным терминалам на Черном и Балтийском морях, стремится снизить экспортные возможности России. Этому же способствует проведение западными странами атак против так называемого теневого флота	США наносят удары по иранскому острову Харк (энергетический хаб) с целью подорвать возможности Ирана по экспорту нефтепродуктов. Иран наносит удары по энергетической инфраструктуре союзников США в регионе и сознательно расширяет конфликт, чтобы нанести ущерб экономикам арабских государств, внести раскол между США и арабскими странами Залива и углубить мировой энергетический кризис
Ставка на истощение ресурсов противника и его союзников	Война в Иране отвлекает внимание и ресурсы США (включая дефицитные ракеты для систем ПРО/ПРО Patriot) от помощи Киеву. Кроме того, блокировка Ормузского пролива ведет к росту цен на нефть, что способствует наполнению бюджета России (каждые +10 долларов к цене на Brent дают Москве дополнительные 16–21 млрд долл. годовых доходов)	Для США и их союзников затягивание конфликта на Украине и Иране одновременно создает кризис перегрузки. У США растет риск «сокращения военных ресурсов», а Европа сталкивается с нехваткой газа в хранилищах на фоне прекращения поставок из Катара, что может снизить ее способность финансировать военную помощь Киеву. Война в Иране в серьезной мере способствовала расколу между США, НАТО и ЕС

войны и выдерживать нагрузку на высокодинамичном театре военных действий, умело используя всю гамму инструментов гибридной войны (информационное и кибернетическое воздействие в первую очередь). Характерно, что оба конфликта тесно переплетены в геополитическом измерении: удары по энергетическим объектам на Ближнем Востоке способствуют развитию мирового топливного кризиса, напрямую бьют по экономике Украины и одновременно пополняют бюджет России, создавая парадоксальную ситуацию, когда война в одном регионе напрямую способствуют стабильности одной из сторон в другом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В гибридной войне симметричная и асимметричная формы борьбы используются одновременно или последовательно, что превращает стратегию гибридного военного конфликта в эффективную и сложную для теоретического и практического осмысления совокупность разнообразных форм и способов борьбы.

Универсальные философские измерения симметричных и асимметричных форм военного противоборства упираются в фундаментальный выбор между логикой тождества и логикой различия. Симметрия тяготеет к порядку, калькуляции, структуре и конечности бытия. Асимметрия тяготеет к потоку, хаосу, воле и иррациональности. В реальном историческом процессе победа часто оказывается на стороне того, кто способен удерживать единство этих противоположностей, одновременно сохраняя способность к классическому симметричному сражению (как основа контроля над территорией) и гибкость к асимметричным манифестациям (как способ воздействия на волю и реальность противника).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Агамбен, Д. (2011). *Номо sacer. Суверенная власть и голая жизнь*, М.: Европа. 256 с.
- Бартош, А. А. (2025) Введение в философский анализ гибридной войны // Новые идеи в философии. № 16 (37). С. 27–44.
- Бартош, А. А. (2026а) Диалектический синтез философских концепций И. Канта и Г. Гегеля как философской основы мироустройства // Знание. Понимание. Умение. № 1. С. 56–71.
- Бартош, А. А. (2026b) Дипломатия и «дурная бесконечность» гибридной войны // Дипломатическая служба. № 1. С. 26–38.
- Бартош, А. А., Никоноров, Г. А. (2025) Критерии и ступени победы в гибридной войне // Военная мысль. № 6. С. 74–89.
- Бартош, А. А. (2018) «Трение» и «износ» гибридной войны // Военная мысль. № 1. С. 5–14.
- Бартош, А. А. (2026) Стратегии гибридной войны. М.: Горячая линия — Телеком. 374 с.
- Бартош, А. А., Никоноров, Г. А. (2026) Апология философии войны: можно ли сводить войну только к вооруженной борьбе? // Военная мысль. № 3. С. 115–125.
- Бодрийяр, Ж. (2024) *Симулякры и симуляции*. СПб. 198 с.
- Вдовин, А. В., Костин, К. К., Марьина, И. А. (2025) Некоторые аспекты достижения преимуществ в управлении войсками (силами) и оружием в прогнозируемых военных конфликтах // Вестник Академии военных наук. № 4 (93). С. 71–78.
- Грицанов, А. А. (2007) *Трансгрессия* // Новейший философский словарь. Постмодернизм. Минск. 1280 с.
- Делез, Ж., Гваттари, Ф. (2010) *Тысяча плато: Капитализм и шизофрения* / пер. с фр. и послесл. Я. И. Свирского; науч. ред. В. Ю. Кузнецов. Екатеринбург; М.: У-Фактория, Астрель, 895 с.
- Клаузевиц, К. (2022) *О войне*. М.: АСТ. 1024 с.
- Никоноров, Г. А., Бартош, А. А. (2026) Надо возвращаться. О месте и роли философии в системе военного образования // Армейский сборник № 2. С. 136–144.
- Ницше, Ф. (2025) *Так говорил Заратустра*. М.: АСТ. 416 с.
- Свечин, А. А. (2023) *Стратегия*. М.: Концептуал. 392 с.
- Степанова, Е. А. (2010) *Терроризм в асимметричном конфликте: идеологические и структурные аспекты*. М.: Научная книга. 288 с.
- Сунь-Цзы (2023) *Искусство войны*. М.: Кладезь. 96 с.
- Шевцов, Л. П., Бартош, А. А. (2025) *Мировая гибридная война как фактор трансформации политического и военно-профессионального мировоззрения* // Полководец. № 1. С. 16–26.

Шлыкова, Е. В. (2019) Противодействие терроризм как адаптация к рискам современности: социальная сущность и субъекты процесса // Научный результат. Социология и управление. Т. 5. №4. С. 103–118.

Шмитт, К. (2010) Государство и политическая форма. М. : ВШЭ. 272 с.

Cebrowski, A. K., Garstka, J. H. (1998) Network-Centric Warfare — Its Origin and Future // Proceedings of the U.S. Naval Institute. January. Vol. 124. Issue 1. URL: <https://www.usni.org/magazines/proceedings/1998/january/network-centric-warfare-its-origin-and-future> (accessed: 18.11.2024).

Vermeulen, T., Van den Akker, R. (2010) Notes on Metamodernism // Journal of Aesthetics and Culture. Vol. 2.

Дата поступления: 18.04.2026 г.

NEW DIMENSIONS OF MODERN MILITARY CONFLICTS

A. A. BARTOSH

MOSCOW INSTITUTE OF SOCIOLOGICAL RESEARCH

Modern conflicts blur the line between the state of war and peace, shifting the emphasis from territorial acquisition to attrition through a combination of military, information, cybernetic, and economic tools. Therefore, a thorough analysis of the synergy between symmetrical and asymmetrical approaches is becoming more than just an academic exercise, but a pressing need for developing an effective defense strategy. This article provides a comparative analysis of the roles of symmetrical and asymmetrical forms of warfare in modern conflicts. While in the classical sense, symmetry meant a frontal clash of equals, and asymmetry meant avoiding direct combat between the weak and the strong, in modern conditions, the stronger side is also actively exploiting asymmetry to reduce costs and maintain “plausible deniability”. Based on this comparative analysis, it is concluded that asymmetry has become the primary offensive tool in hybrid warfare, while symmetry serves as a deterrent, a conclusion that seems logical and justified given the war in Iran.

Keywords: hybrid warfare; symmetry; asymmetry; friction of war; transformation; synthesis

REFERENCES

- Agamben, G. (2011). *Homo sacer. Suverennaya vlast' i golaya zbizn'*. Moscow, Evropa, 256 p.
- Bartosh, A. A. (2025) Vvedenie v filosofskij analiz gibridnoj vojny'. *Novy'e idei v filosofii*, no. 16 (37), pp. 27–44.
- Bartosh, A. A. (2026a) Dialekticheskij sintez filosofskikh koncepcij I. Kanta i G. Gegelya kak filosofskoj osnovy` miroustrojstva. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, no. 1, pp. 56–71.
- Bartosh, A. A. (2026b) Diplomatiya i «durnaya beskonechnost'» gibridnoj vojny'. *Diplomaticheskaya sluzhba*, no. 1, pp. 26–38.
- Bartosh, A. A. and Nikonorov, G. A. (2025) Kriterii i stupeni pobedy` v gibridnoj vojne. *Voennaya my'sl*, no. 6, pp. 74–89.
- Bartosh, A. A. (2018) «Trenie» i «iznos» gibridnoj vojny'. *Voennaya my'sl*, no. 1, pp. 5–14.
- Bartosh, A. A. (2026) *Strategii gibridnoj vojny'*. Moscow, Goryachaya liniya — Telekom. 374 p.
- Bartosh, A. A. and Nikonorov, G. A. (2026) Apologiya filosofii vojny': možno li svodit' vojnu tol'ko k vooruzhennoj bor'be? *Voennaya my'sl'*, no. 3, pp. 115–125.
- Baudrillard, J. (2024) *Simulyakry` i simulyacii*. St. Petersburg. 198 p.
- Vdovin, A. V., Kostin, K. K. and Mar`ina, I. A. (2025) Nekotory'e aspekty` dostizheniya preimushhestv v upravlenii vojskami (silami) i oruzhiem v prognoziруemy`kh voenny`kh konflik-takh. *Vestnik Akademii voenny`kh nauk*, no. 4 (93), pp. 71–78.
- Griczanov, A. A. (2007) Transgressiya. In: *Novejsbij filosofskij slovar'*. *Postmodernizm*. Minsk. 1280 p.
- Deleuze, G., Guattari, P.-F. (2010) Ты`syacha plato: Kapitalizm i shizofreniya / transl. from France and afterword by Ya. I. Svirskiy; ed. by V. Yu. Kuznecov. Ekaterinburg, Moscow, U-Faktoriya, Astrel', 895 p.

- Clausewitz, C. (2022) *O vojne*. Moscow, AST. 1024 p.
- Nikonorov, G. A. and Bartosh, A. A. (2026) *Nado vozvrashhat'sya. O meste i roli filosofii v sisteme voennogo obrazovaniya. Armejskij sbornik*, no. 2, pp. 136–144.
- Nietzsche, F. (2025) *Tak govoril Zaratustra*. Moscow, AST. 416 p.
- Svechin, A. A. (2023) *Strategiya*. Moscow, Konceptual. 392 p.
- Stepanova, E. A. (2010) *Terrorizm v asimmetrichnom konflikte: ideologicheskie i strukturny'e aspekty*. Moscow, Nauchnaya kniga. 288 p.
- Sun`-Czzy` (2023) *Iskusstvo vojny*. Moscow, Kladez`. 96 p.
- Shevczov, L. P. and Bartosh, A. A. (2025) *Mirovaya gibridnaya vojna kak faktor transformacii politicheskogo i voenno-professional'nogo mirovozzreniya. Polkovodecz*, vol. 1, pp. 16–26.
- Shly`kova, E. V. (2019) *Protivodejstvie terrorizmu kak adaptaciya k riskam sovremennosti: social'naya sushhnost' i sub`ekty` processa. Nauchny`j rezul'tat. Sociologiya i upravlenie*, vol. 5, no. 4, p. 103–118.
- Schmitt, C. (2010) *Gosudarstvo i politicheskaya forma*. Moscow, HSE Publishing House. 272 p.
- Cebrowski, A. K., Garstka, J. H. (1998) *Network-Centric Warfare — Its Origin and Future*. In: *Proceedings of the U.S. Naval Institute, January*, vol. 124, issue 1 (Online) Available at: <https://www.usni.org/magazines/proceedings/1998/january/network-centric-warfare-its-origin-and-future> (accessed: 18.11.2024).
- Vermeulen, T. and Van den Akker, R. (2010) *Notes on Metamodernism. Journal of Aesthetics and Culture*, vol. 2.

Submission date: 18.04.2026.

Бартош Александр Александрович — кандидат военных наук, доцент, эксперт Лиги военных дипломатов, эксперт/аналитик Отдела стратегического анализа и военно-политических исследований Московского института социологических исследований, член-корреспондент Академии военных наук. Адрес: 107065, Российская Федерация, г. Москва, ул. Камчатская, д. 3, оф. 198. Тел.: +7 (495) 469-01-30-08. Эл. адрес: aerointel@mail.ru

Bartosh Aleksandr Aleksandrovich, Candidate of Military Sciences, Associate Professor, Expert, League of Military Diplomats, Expert Analyst, Department of Strategic Analysis and Military and Political Research, Moscow Institute of Sociological Research, Corresponding Member, Academy of Military Sciences. Postal address: 3, Kamchatskaya St., office 198, Moscow, Russian Federation, 107065. Tel.: +7 (495) 469-01-30-08. E-mail: aerointel@mail.ru

DOI: 10.17805/zpu.2026.2.8

Конвергенция: теория и практика

А. А. ГОРЕЛОВ

ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ РАН

Конвергенцию автор статьи понимает в двух направлениях: как сближение различных социально-политических систем государств и как сближение самих государств, имеющих различные социально-политические системы. П. А. Сорокин, создатель концепции конвергенции, впервые обосновал механизм цивилизационного соединения двух взаи-